

Она говорила, как писала, и писала, как говорила...

Не сказать, что незаметно, но прошло-полетело почти уже сорок лет с той поры, когда я познакомился с вдовой Ильи Ильфа милой Марией Николаевной, которая всегда была готова помочь тем, кого всерьез интересовали жизнь и творчество Ильфа и Петрова, тем более — их землякам. Я приходил к ней в последнюю квартиру Ильфа, в довоенный писательский дом в Лаврушинском переулке, где за стеклом стояла чернильница, знакомая многим по фотографии сидящих за столом Ильфа и Петрова, и лежало пенсне Ильфа с тщательно протертыми, как при его жизни, стеклами. Потом, после нескольких лет жизни далеко от Москвы, возвратилась Александра Ильинична, которую, да уж простят меня те, кто почитает это нескромностью или фамильярностью, не называл и теперь не могу называть иначе, нежели Саша, Сашенька.

Мария Николаевна долгие годы хранила книги, письма, телеграммы, записочки мужа, его документы, начиная с относящихся к одесским юношеским временам, семейные фотографии, негативы снимков, сделанных самим Ильфом. Но при ее жизни Саша к этому архиву не прикасалась. Связующим звеном между ней и отцом, на фотографии с которым она осталась, но не помнила его, всегда была мать. И только после ее ухода Саша долго и скрупулезно разбирала, расшифровывала, переписывала, осмысливала все, что осталось, но не дочернего любопытства ради, а для того, чтобы ввести это в научный оборот, используя в толково написанных статьях и книгах. Многие из них посвящены не одному только Ильфу, но и Петрову, почему ее полусерьезно называли "дочь Ильфа и Петрова".

Родные Саши были одесситами, такое даром не проходило, и генная память проснулась в ней.

На конференции, семинары, День города и просто по велению души она ежегодно, иногда даже несколько раз, приезжала в Одессу, где ей было тепло в любое время года, потому что тут жили друзья. Она с интересом и удовольствием бывала в Литературном музее, но в какой бы гостинице ни останавливалась, ее "штаб-квартирой" становился Всемирный клуб одесситов на Базарной улице, на которой родился Петров и в юности жил Ильф. Здесь Леня Рукман тотчас забывал свои директорские заботы, Аркадий Креймер думал, что бы еще сделать для Саши, Женя Голубовский появлялся с новой идеей, многое обсуждалось, намечалось, решалось, записывались ее интервью телевизионным журналистам, и случались неожиданные встречи. Однажды я познакомил Александру Ильиничну Ильф и Лидию Исааковну Бабель — коренных москвичек, которые не знали друг друга. В дру-

гой раз я представил ей Валерия Берлагу, предки которого жили на Старопортофранковской улице, в доме, где родился Ильф, и фамилия их осталась в "Золотом тельнеке", — нужно ли говорить, что взаимным восторгом не было предела. В перерывах между приездами мы переписывались. Я сохранял письма, как сохраняют письма близкого человека, вовсе не думая о том, что может случиться с каждым из нас, а пока случилось с ней. Многолетние дружеские отношения определили характер ее писем, в которых много личного, что, естественно, осталось за пределами этой публикации. Но и в том, что печатается, звучит ее голос, потому что она говорила, как писала, и писала, как говорила. Те, кто знал Сашеньку Ильф, услышат это, а другим остается поверить.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ.

19 января 2012. Пожалуйста, извини, что не писала. Действительно была плоха. Снова не сплю, отчего имею бледный вид (во всех смыслах; кажется, к этому еще надо добавить "и холодные ноги"?). Не представляю, что будет дальше. Впрочем, надеюсь, что как-то образуется. Еще раз извини. Не беспокойся. Я не умираю, а просто никуда не гоюсь.

25 января. Жду Одессы! Возникла мысль — дурацкая, но благородная. Приехать, например, к вам ближе к дню рождения Боречки (Бориса Давыдовича Литвака, — Р. А.) и пробыть неделю, делая кое-что в музее <...> Как тебе это?

31 января. Вчера была в Доме актера по случаю 65-летия Вадика Жука (Жук Вадим Семенович, актер, сценарист, поэт, — Р. А.). От метро "Смоленская" пришлось идти пешком по Арбату до уровня театра Вахтангова. Это было далеко и ветрено. Я устала, как пес. Празднование проходило приятно и даже прекрасно. <...> Поздравления, стихи, песни, пляски и сценки из спектаклей были представлены весьма обильно. Вадик был во фразе и, как ему и полагается (жук же!), сучил лапками и распускал крылья. Народу было — тьма. Сидели даже на ступеньках, хохотали хохотали. <...> Из людей видела прелестного Резо, Давида Смелянского, Розового и всю компанию — Мишина, Роста, Бильжо, Шендеровича, Альтова. Иртенев прислал видеопоздравление (он в Израиле). Домой меня доставили Шендеровичи, потому что об идти не могло быть и речи, ужасно устала. <...> Проходя мимо салона красоты на Арбате, прочитала: "Удаление волос навсегда".

5 февраля. Среди бумаг, которые я просматриваю, нашелся последний листочек письма Арье(?) Беняминовича (отец Ильфа, — Р. А.), с мудрыми мыслями. Как то: "Ты пишешь, что французские деньги не дают. Я тебе скажу, что на деньги не смотри так серьезно, а лучше на первых порах — на славу, деньги потом сами придут. Конечно, одной славы трудно жить, но раньше — слава, а потом скажешь: "Даешь деньги", — и нет сомнения, что после славы деньги уже легко придут". Заканчивается письмо твоим любимым оборотом: "Ты меня спрашивал, где я обедаю в отсутствие Нины Абрамовны, а теперь спрашиваешь, или она уехала". Чудесно! Жаль ужасно, что четыре листочка этого письма безвозвратно пропали. В воспоминаниях Окса (Евгений Окс, художник, друг Ильфа, — Р. А.) есть фраза, которую будто бы сказал ему Ильф: "Влюбленных соединила влюбленного рука". С огромным удовольствием нашла ее в пьесе Шенгели с Багрицким "Месье Калиостро". Это там княгиня Непарнокопытная и князь Непарнокопытный.

7 февраля. Сейчас ко мне явится директор издательства "Текст", не думаю, что будет дело. Есть мелкие подробности. Ладно!

7 февраля. Директор "Текста" интересуется письмами. Не знаю, по плечу ли мне сейчас заняться ими. Буду думать. Петров, вероятно, отпадает ввиду принадлежности вашему музею и по другим обстоятельствам. <...> Хотела выйти, день был хороший, но вдруг так плохо себя ощутила, что махнула рукой на выход. Завтра придет юрист. Если он меня совсем не уморит, напишу.

10 февраля. Это были не переговоры, а так, разговоры в сопровождении чая и изысканных, очень вонючих сортов сыра. Да, он интересуется письмами Ильфа, дополненными кое-какими поясняющими текстами, документами и пр. Боясь, что мне это сейчас не осилить. Впрочем, поглядим. <...> Пока больше ничего нового, хвала Создателю, не случилось.

11 февраля. Здесь градусов меньше, а ветра вовсе нет. Услышала по телевизору: "Он был практически святой". К чему бы я это

вспомнила?.. Насчет писем действительно не знаю, потому что книга висит надо мной, подобно дамскому мечу. Я-то имела в виду письма Ильфа и Петрова <...>, но текстовый директор пока что хочет только Ильфа. Я бы начала не с самого начала, а с 1928 года. Есть все или почти все ответы мамы. И продолжала бы до самого конца, пережмая их переписку разными документами, письмами к Ильфу (к примеру, Фазини?) (Александр Арнольд-Файнзилберг, брат Ильфа, — Р. А.), подходящими цитатами, и фотографиями, и т. д., и т. п. Собственно, в компьютере почти все это имеется. Комментарии тоже не будут излишними. Примечание насчет вонючего сыра: я как раз его люблю! Чем он вонючее, тем дороже! Директор "Текста" приносит что подороже. Никан не могу купит для него мышеловку. Слушали по ТВ вечер Жванецкого, который случился, кажется, в октябре. Вот всё! Спокойной ночи.

12 февраля. Саша, дорогой, твоя творческая мысль работает без остановки. Это прекрасно. У Сергея Зеноновича есть книга (одноименник) с дарственной надписью Петрова его одесским друзьям? Или родственникам? У меня-то как раз ничего нет, кроме дарственной надписи Арье Беняминовичу на издании "12 ступень" на немецком языке. Нужно посмотреть. Ну, и есть первое издание "Ступень", подписанное Петровым Ильфу.

14 февраля. ...Сегодня, наконец, взяла в руки свой альбом ("Илья Ильф — фотограф", составленный А.И. Ильф, — Р. А.) И с чего это я так страдала?! Сейчас даже особой радости не испытываю. Возможно, это потому, что жизнь моя омрачена плитой — но не могилой, а газовой. Чтобы не входить в подробности, скажу только, что пришлось купить новую. Привезут завтра и увезут много-много денег.

15 февраля. Докладываю. Плитку привезли, деньги увезли. Но газовщик для подключения придет только во вторник. Поэтому живу с плитой, располагающейся почти что посреди комнаты. Вроде слона. Однако придется дожить до вторника. Идет снег. Чувствую себе паршиво. В общем, спокойной ночи.

21 февраля. Саша, дорогой, сегодня я изучала свой организм, и он сильно мне не понравился. Сердцебиение, хвостокружение. Как-то стала бояться выезжать. Не знаю, как поступить.

25 февраля. ...И я тебя тоже — обратно. См. также Сашу Черного: "Она целовала меня, и я ее тоже обратно, Следя за собой, как змея, Насколько мне было приятно". После этого лирический герой, как мне помнится, ел сало. Не в Одессе ли он был?

26 февраля. ...Вспомнила: лирический герой кушал сало в Петербурге. Полагаю, его прислали из Одессы. Сегодня имела неосторожность выйти: снег тает, сверху сыплется, под ногами плещется, было очень скользко. С крыши с диким грохотом сбрасывают снег.

1 марта. Забыла написать, что вчера с удовольствием смотрела фильму "Молчи, грусть, молчи...". Сильное впечатление!

1 марта. ...Канал "Культура" решил облагодетельствовать нас шедеврами раннего русского кинематографа. В газете я прочитала, что 1 марта — первый день весны. Врут, как всегда.

4 марта, вечер. Вчера и сегодня смотрела "Белую гвардию". Весьма неопределенное впечатление. Чувствую себя не прекрасно. Может быть, напрасно еду?

4 марта. Я буду следить за прогнозом. Ближе к делу напиши, пожалуйста, в чем ходят люди в Одессе, что у них на руках и что на ногах.

8 марта. Я распечатала прогноз погоды и буду думать над ним.

9 марта. Наконец, могу написать: спокойной ночи, до завтрашней встречи!

18 марта. Как было хорошо в Одессе, и как несимпатично здесь! Ваши 18 вызывают легкую зависть. Ничего увлекательного. Посему — спокойной ночи.

19 марта. Я еще не окончательно москвичка. На небе ничего яркого нет, погода отвра.

20 марта. Вас еще не перевели на летнее время? Хотелось бы приблизиться хоть на час.

28 марта. Вчера посетитель (деловой) принес идиотический подарок: нечто вроде новогодней елочки (ростом в метр), сделанной из серебряных сеточек, травок, шишечек (шоколадные конфеты), розочек с букашками на лепестках, а самое главное — с двенадцатью бархатными стульчиками. Все это было так вопиюще вульгарно, что я принялась хохотать. Он принял это за восторг. Но самое смешное не это. Мастериче этого букета, для того чтобы сделать стульчики, требовались пробки от шампанского. А их не было. Тогда в пятницу она позвала своих подруг, и они за три дня выпили 12 бутылок шампанского! Вот и получились стульчики. Это чудовище будет мною сфотографировано и послано тебе.

14 июня. До сих пор непонятно, что происходит в моем причудливом организме. Предстоит еще какие-то обследования. Напиши, конечно. Всем кланяюсь.

16 июня. Видишь, я уже могу подойти к компьютеру. Я совершенно измучилась с лечением. До сих пор непонятно, в каком я состоянии. Субъективно чувствую себя лучше, но что там внутри?.. Страшно подумать. В понедельник поеду на компьютерную томографию, и там, как пить дать, во мне найдется что-то новое и неинтересное. От этого неизменно плохое настроение и полное нежелание что-либо делать. Всем кланяюсь.

22 июня. Решила известить, что в понедельник ездил на какое-то буколическое Ивановское шоссе (ответвление Волоколамского) делать компьютерную томографию. В заключении нашла жемчужной красоты строку о том, что не все удалось отснять во всех подробностях "ввиду наличия множественных артефактов металла послеоперационного характера". Да я и сама артефакт! А когда моей приятельнице делали что-то такое под названием "эффekt Доглера", ей тоже сказали, что не все удалось отразить. "Почему?" — спросила она. "Череп мешает", — ответили ей.

29 июня. ...Докладываю о медицинских делах. Ездил в клинику. Воспалительный процесс прекратился, лечение должно продолжаться еще три месяца, и в дальнейшем требуется вести себя с осторожностью. Из этой самой осторожности не спросила, можно ли мне выпивать и закусывать, потому что приняла решение действовать соответственно афоризму Жванецкого, висящему над лестницей в нижний этаж клуба ("Алкоголь в малых дозах полезен в любом количестве", — Р. А.).

10 июля. Забыла написать, что вчера мне привезли три карманные книжечки (оба романа + Америка), вышедшие в серии "Путешествия" в издательстве с уродским названием "Рипол Классик". Сообщаю об этом потому, что там мои предисловия, рассматривающие всевозможные сочинения как книги о путешествиях и приключениях.

24 июля. ...Спасибо за письма и привет от Боречки. При случае скажи, что я люблю его больше. <...> Мне подарили диск с записью каких-то музыкальных сочинений, исполненных на арфе, утверждая, что это АР-ФОТЕРАПИЯ. Таки да! Начала слушать (днем) и тут же уснула.

15 августа. Чтобы ничего не делать, извляла нечто под названием "Где и как жили Ильф и Петров" или что-то в этом роде. Я не придумала, куда пристроить, потому что нуж-

ны соответствующие фотографии. Без снимков или с минимальными ими взял бы, наверное, Голубовский? Но вообще-то хотелось бы в Москве.

18 августа, день. ...Конечно, это не обязательно. Но при внимании одесситов к соавторам лучше бы. Как ты сам знаешь, в этом году 70 лет со дня гибели Петрова, 75 — со дня смерти Ильфа, и, соответственно, 110 лет Петрову и 115 — Ильфу. В декабре было бы в самый раз, если уж в другие месяцы не выйдет. Можешь посоветоваться с кем-то? Не обязательно же устраивать широкий разворот, а просто сделать хоть что-то? Сообщу, пожалуйста, свои мысли по этому поводу. На Москву я совершенно не рассчитываю, а Одесса так близка мне...

30 августа. Сегодня встречалась с дамой, которая доставила от Олечки Барковской справочник Общества независимых художников. С удовольствием посмотрела и почитала. Нашла у Фазини кое-что не указанное, но теперь-то уж что! У меня нет мейла Олечки. Может быть, ты просто позвонишь ей в свободное время и скажешь, что я очень благодарна?

2 сентября. Второй день роюсь в культурных слоях. Толку чуть. Обнаружила, впрочем, довольно много маминих писем 1936-го года — в санатории. Узнала много нового и интересного о себе, без чего спокойно могла бы обойтись. Конечно, села перепечатывать, вставляя в нужные места. Еще не закончила. А день и даже вечер закончились.

7 сентября. Сереже отдельный привет (Калмыков Сергей Викторович, инженер, краевед, мастер фотографии, одесский приятель А.И. Ильф, — Р. А.).

7 сентября. Миша Пойзнер (Пойзнер Михаил Борисович, ученый, коллекционер, писатель, одесский приятель А.И. Ильф, — Р. А.) — всегда молодец.

8 сентября. Сегодня, кажется, хороший день ("Сегодня солнечно, но ветрено"), но я не вышла наружу, увлекшись сканированием и прочими поисками. Как и раньше, ничего не нашлось!

4 марта 2013. Дело было в Малом зале ЦДЛ (вечер памяти Ю. Олеси, — Р. А.). <...> Одесса так близка мне... Как я понимаю, я на свое горе оказалась единственным воспоминателем. Произнесла нечто трогательное из своей детской жизни и рассказала кое-что на основе воспоминаний Олеси об Ильфе и отцовских писем. <...> Днем позвонила мне Барметова (Барметова Ирина Николаевна, критик, главный редактор литературно-художественного журнала "Октябрь", — Р. А.) и пригласила на очередной литературный бьеннале в Одессе, каковой состоится в конце мая. Как насчет акции? Ты понимаешь, что это было предложение, от которого, как говорят в рекламе, невозможно отказаться. Я могла бы прибыть на несколько дней раньше или отбыть позже, и тогда мы могли бы спокойно проводить жизнь...

14 апреля. Вчера, засыпая, слушала передачу "Временно доступен" с Карцевым. Уже совсем было заснула, как вдруг споткнулась о небольшой спор — были ли Ильф и Петров одесситами? Дибров (Дибров Дмитрий Александрович, телеведущий, — Р. А.) предполагал, что кто-то из них из Харькова. Был и такой вопрос: а как же тогда Петров — брат Катаева, а тот одессит? Постепенно решили, что все они одесситы, в доказательство чего Карцев сказал, что дочь (то есть я) каждый год приезжает в Одессу. ??? Охо-хо...

4 декабря 2013. В ожидании от тебя адреса передачи о прототипе Остапа Бендера шлю тебе другой, полученный от Сусанны Альпериной (о презентации книги Антонины Пирожковой о Бабеле, — Р. А.).